

этом, на наш взгляд, более приемлемо говорить не об одной большой Кавказской войне в ее привычных хронологических рамках, а, как считает исследователь И.В. Курукин, «нескольких таких войн в период с 1722 г. до подавления последнего большого восстания в Чечне и Дагестане в 1878 г., а еще точнее – не столько собственно войн, сколько сцепления разнохарактерных и разновременных конфликтов: внутреннего развития горских обществ, их сопротивления российскому продвижению на Кавказ, борьбы российских властей с набегами, межэтнических столкновений и непрерывных усобиц, наконец, соприкосновения различных цивилизаций и борьбы за раздел Закавказья» между сопредельными великими державами того времени – шахского Ирана, султанской Турции и царской России»⁵⁹.

Исходя из вышерассмотренного материала, необходимо также отметить, что осуществление Россией своей кавказской политики в регионе встречало неизбежное противодействие со стороны местных владетелей, которые ни при каких условиях не желали терять свою независимость. Целью кавказской политики России было не только присоединение Дагестана, но и обеспечение безопасности юго-восточных рубежей государства. Что же касается выступления шамхала Адиль-Гирея Тарковского в 1725 г. против российских властей на Кавказе, бесспорно одно, что шамхал Адиль-Гирей предпринял необдуманный шаг, кстати сказать, не поддержанный широкими слоями народных масс. Поэтому это выступление было легко подавлено.

УДК 316.7 (571)

Е.Л. Зберовская

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ФРОНТИРА

В статье рассматривается сибирский фронтир как территория взаимодействия разных социокультурных систем, определяются основные характеристики русского и сибирского мира. Особое внимание уделяется диссипативности как определяющему свойству систем.

Ключевые слова: фронтир, диссипативность, маргинальность, адаптация, диалог, конфликт, энтропия, бифуркация, колонизация, ментальность.

E.L. Zberovskaya

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF SIBERIA DEVELOPMENT IN THE FRONTIER THEORY CONTEXT

The Siberian frontier as the area of the different socio-cultural system interaction is considered in the article; the basic characteristics of the Russian and Siberian world are defined. Particular attention is given to the dissipativeness as the determining system property.

Key words: frontier, dissipativeness, marginality, adaptation, dialogue, conflict, entropy, bifurcation, colonization, mentality.

Анализ социокультурной составляющей российской колонизации Сибири привлекает все большее внимание исследователей в последние десятилетия. Это связано с несколькими причинами: во-первых, в советской историографии ей уделялось незначительное внимание, в большей степени разрабатывались социально-экономические аспекты освоения; во-вторых, для осмысления сибирской истории современными исследователями стала активно применяться теория фронта, которая рассматривает освоение и как социокультурное взаимодействие. В новых исследованиях подробно изучается социальный состав русских переселенцев, их менталитет, значительное место уделяется формам взаимодействия с аборигенным населением и т.д. Вместе с тем осмысление российского освоения Сибири как социокультурного явления возможно на путях соединения теории фронта и теории систем, когда подвижная граница выступает как энтропийное поле, где происходит взаимодействие разных культурных миров.

В современной историографии фронтир имеет множество толкований, но в целом воспринимается исследователями как граница продвижения переселенцев. Сам автор термина Ф.Д. Тернер отмечал его многослойность, определяя не только как подвижную границу, но и как момент встречи дикости и цивилизации и вкладывая, таким образом, историко-культурное наполнение в пространственно-временное

⁵⁹ Курукин И.В. Указ. соч. С. 159.

представление о фронтире [1]. Фронтир как пограничная территория взаимодействия культур определяется в работах многих современных авторов. Это порубежье между цивилизацией и нецивилизованным пространством представляется зоной, «которая должна была сближать внутренние и внешние пространства [2, с. 41]. А.С. Хромых особо выделяет во фронтире то обстоятельство, что на территориях встречи различных разноразмерных цивилизаций происходит взаимодействие колонистов с местными жителями, которое обязательно приводит к появлению нового сообщества, основанного на синтезе материальной и духовной культуры автохтонного и пришлого населения [3, с. 56]. М.В. Шиловский и Д.Я. Резун предложили три вида взаимодействия: внешнее – по отношению к территориям и этносам, внутреннее – по отношению к людям, оказавшимся за чертой продвижения, внутрицивилизационное – образующееся между старожилами и новыми переселенцами [4, с. 9].

Проведя историографический обзор, О.Н. Судакова считает, что выделенные историками структурные элементы культуры сибирского фронта позволяют сформулировать понятие «сибирская культура» в рамках теории границы. Это открытая система, сложившаяся в результате контактов между аборигенными народами Сибири и представителями различных этнических групп, переселяющимися на территорию региона [5, с. 182]. К сожалению, автор не представляет доказательств «открытости», но такая трактовка актуализирует системный анализ социокультурной ситуации сибирского фронта.

До начала активного освоения русскими Сибири она представляла собой полиэтническое и поликультурное пространство. Вместе с тем его можно рассматривать как некую, охватывающую автохтонное население культурную общность, противостоящую проникающей русской культуре. Для сибирской культуры как системы была характерна диссипативность, которая сохранялась на протяжении всего периода формирования сибирского культурного пространства. Неравновесное состояние поддерживали постоянные миграции этнических групп, вызванные поиском лучшей для обитания природной среды или вытеснением из прежних мест воинственными соседями. С III тыс. до н.э. по территории Южной Сибири прошли афанасьевцы, окуневцы, андроновцы, карасукцы, скифские племена, хунны, тюрки и т.д. Постоянные флуктуационные колебания, вызванные проникновением новых этносов – носителей аутентичной культуры, делали проницаемой и подвижной культурную границу региона.

Аборигенные объединения как элементы системы не были равнозначными. В процессе заселения сложилось несколько культурно-хозяйственных типов, сохранившихся накануне русского проникновения в Сибирь. Патриархально-родовые отношения были присущи большинству этнических групп (самодийские и тунгусские племена Севера, тюркоязычные группы – качинцы, басагары, сагаи и др.). Они вели кочевой и полукочевой образ жизни, занимались охотой и рыболовством. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении были татары, буряты, якуты, кыргызы. Последние еще в VI в. н.э. создали в долине Среднего Енисея свое государство – Кыргызский каганат, имели письменность, занимались земледелием, развивали ремесла [6, с. 224].

Разнородными были эти элементы и семиотически. Создавая лингвистическую характеристику аборигенного населения Сибири, Н.М. Ядринцев выделил несколько языковых групп (уральскую (финскую), самоедско-сянскую, алтайскую), которые, в свою очередь, объединяли в своем языковом поле многочисленные народы и племена [7, с. 134–135].

Этническое своеобразие проявлялось и в религиозных представлениях народов Сибири. Практически всем им был присущ шаманизм, мифическое отражение истории, представление о трехслойном строении мира, где доброе начало олицетворяло Небо. Но, как справедливо отмечал Т.Н. Грановский, в древней мифологии каждый народ выразил сам себя, создавая ее по своему образу и подобию [8, с. 6]. Потому, хотя у ненцев дух неба Нум напоминал верховные божества кетов (Есь) [6, с. 137, 204] и шорцев – (Ульген) [9, с. 289], их идилическое пространство было разным. Каждая семья имела своих духов-покровителей, следивших за порядком и покоем в доме.

Этот пестрый, неравновесный сибирский культурный мир, тем не менее, претерпевал упорядоченные формы. Процесс упорядочивания и структурирования этнокультурных элементов определялся перераспределением территории обитания этносов (это вполне позволяли сделать неосвоенные сибирские просторы) и установлением даннических отношений для более слабых племен и народов. Свидетельства таких отношений кыргызов и мелесских и чулымских людей можно обнаружить в записках русских служилых людей: например, в письме томского воеводы, который писал о властных кыргызах, что «всегда воюют, жон их и детей в полон емлют, ясак с ним емлют по трожды на год» [10, с. 9].

Наступавший в Сибирь в конце XVI–XVII вв. русский мир также не представлялся единым целым. Его характеризовали сложность и диссипативность. Хаотичность движения проявлялась в стихийности проникновения групп первопроходцев в пограничные неосвоенные территории, высокой автономности

действий переселенческих групп, их слабой подконтрольности центральной власти. Горизонтальные и вертикальные связи внутри переселенческих групп имели неустойчивый характер. В документах XVII в. зафиксированы случаи перехода служилых государевых людей на сторону кыргызов, их активного противодействия своим бывшим товарищам и воеводам [11, с. 106–108].

Колонизация Сибири начиналась как промысловая. Большинство первопроходцев-промышленников были выходцами из Поморья, меньшую часть составляли жители центральных районов Европейской России, самую малую часть – местные жители [4]. Однако освоение сибирских территорий быстро стало делом государства, которое направило для этих целей служилых людей – казаков, стрельцов, пушкарей, увеличивая в дальнейшем свое присутствие за счет казацкой общины Дона, крестьян и городских жителей, подданных Речи Посполитой (белорусов, поляков, литовцев и др.), попавших в плен или перешедших на русскую службу [4]. Люди фронта были поликультурной, политэтнической силой, двигавшей русскую границу на восток.

Взаимосвязь разнородных элементов системы обеспечивала общность духовной культуры. Она обнаруживалась в ментальности переселенцев. Известный отечественный историк и культуролог А.Я. Гуревич определял ментальность как способ видения мира, представления людей, принадлежащих к какой-либо социокультурной общности [12, с. 75]. Эти представления связаны с отражением и восприятием окружающего мира и места человека в нем. К подобным представлениям относится восприятие пространства и времени. По справедливому замечанию С.В. Лурье, русские люди воспринимали новые пространства как «дикое поле», не ограниченное ни внешними, ни внутренними преградами [13, с. 68]. Вероятно, отсюда возникала и модель взаимодействия с этим пространством – его присвоение со всеми встречающимися трудностями и противодействиями. «Русские осваивали «дикое поле», вбирая его в себя» [13, с. 69]. Взаимоотношения русского человека и окружающего пространства возникли задолго до освоения Сибири – они складывались при колонизации восточно-европейской равнины, северо-восточной Руси, Поволжья и других территорий. К началу XVII в. в русской ментальности сложилось свое отношение к пространству – его присоединение (военными и мирными способами) и проживание.

Ментальность русского человека определяла религиозная система ценностей. Она становилась объединяющим элементом для пестрой массы переселенцев, духовные потребности и идеалы которых во многом были связаны с христианством. Православие аккумулировало в себе многие жизненно важные ценности, которые в условиях фронта становились особенно значимыми: добро, милосердие, справедливость, терпимость и т.д. В непредсказуемых условиях освоения новых территорий, связанных с риском и неопределенностью существования переселенцев, религия играла не последнюю роль в их адаптационно-деятельностных практиках. По мнению А.С. Хромых, христианское поведение было отличительной чертой православных сибиряков и проявлялось в отношении к аборигенному населению, которое воспринимали как подобных себе людей и не думали об их истреблении [3, с. 236]. В дальнейшем христианство было востребовано в реализации не только духовных, но и социальных потребностей: крещении младенцев, венчании новобрачных, освещении помещения и т.д. Практика строительства церкви при возведении острога стала весьма распространенной. Уже в первой четверти XVII в. в Сибири насчитывалось 34 церкви и 13 монастырей, расположенных преимущественно в западной части региона [3, с. 302–303].

Понимание окружающего мира для русского человека было тесно связано с представлениями о способах трудовой деятельности, и в первую очередь земледельческой. Ценность земледельческого труда закреплялась как одна из констант в этническом сознании. Культурно-хозяйственный земледельческий тип русские переселенцы приносили в Сибирь, где до них он был распространен мало. Хотя в начале XVII в. крестьян в Сибири проживало меньше, чем промышленных и служилых людей (примерно 17,3 % от общего числа жителей Сибири), они составляли самую стабильную и динамично развивающуюся сословную группу сибирского фронта [3, с. 164]. Н.М. Ядринцев называл русского крестьянина основным представителем колонизации на Востоке [7, с. 167]. Земледелие было важным видом трудовой деятельности для других групп населения. Пашней обзаводились практически все переселенцы, вне зависимости от их социальной принадлежности: казаки, сибирские дворяне и дети боярские, посадские люди и т.д.

В начале XVII в. в условиях сибирского фронта происходила встреча двух культурных систем – русского и аборигенного сибирского мира. Каждому из них в разной степени были присущи сложность и диссипативность. Культурное различие обнаруживалось во время взаимодействия систем на границах фронта. Для каждой системы другая являлась важнейшим внешним раздражителем, воздействие которого усиливало диссипацию.

Выделяя особенности сибирского фронта, А.Д. Агеев указывает три важных фактора: климат, пространство и капиталы [14, с. 30]. Однако своеобразие сосуществования на пограничных территориях создавали и люди фронта. Дело здесь не только в особых качествах первопроходцев, на которые не раз указывали исследователи: индивидуализм, стремление к свободе, желание обогатиться, склонность к риску [15, с. 77–80], но и в особом социокультурном состоянии, которое переживали люди фронта. Это состояние, на наш взгляд, можно определить как маргинальное. Введенное еще в 20-е г. прошлого века в социологию Э. Парком понятие маргинальности сегодня имеет широкое научное применение. В культурологии оно определяется как ситуация, когда индивид чувствует себя находящимся между двумя культурами или социальными стратами с присущим им образом жизни [16, с. 550]. Русские переселенцы, оказавшиеся в порубежье, не могли не испытывать влияния другой – аборигенной – культуры, которая, согласно исследованиям О.Н. Шелегиной, была активно востребована в их адаптационных практиках [17].

Маргинальность на время стала внутренним свойством самой диссипативной социокультурной системы с ее непрочностью внутренних связей. Для людей фронта была характерна неустойчивость их социального статуса. Многочисленные примеры мобильности обнаруживаются при изучении источников формирования сибирского казачества, служилого сословия, наиболее востребованного в условиях фронта. Нехватка людей приводила к тому, что в казаки активно брали из других социальных групп – ссыльных польских конфедератов, новокрещенцов, посадских людей и крестьян [18]. Вместе с тем служилых людей привлекали для ведения делопроизводства, поскольку специально обученных людей было мало – управленческий аппарат на новых территориях только формировался. Служилые люди, составлявшие «ударную силу» фронта, вообще выполняли множество разных функций, не свойственных представителям их социальной группы в центральной России: собирали налоги, возводили остроги, следили за внутренним порядком и т.д. «За свою жизнь в Сибири человек мог побывать и промышленником, и торговцем, и крестьянином» [3, с. 148].

Движение в маргинальное состояние переселенцев было различным. В пограничном социокультурном пространстве оказывались как те, кто по всей воле отправлялся в Сибирь искать лучшей доли, так и та часть переселенцев, кто был направлен осваивать эти суровые края по воле государства. С XVIII в. вторая часть переселенческого потока становится все более многочисленной. В этом плане весьма убедительной выглядит оценка ряда сибирских историков о том, что постоянные перемещения в регион следует называть «мобилизацией населения государством для выполнения поставленных задач» [4].

Сама по себе маргинальность не носит однозначно негативного характера. Е.Н. Стариков отмечает, что это лишь процесс перекомпоновки социальной мозаики, когда значительные по объему людские массы переходят из одних социальных групп в другие [19, с. 116]. Маргинализация как временное явление способствует структурному обновлению социокультурной системы, которое в итоге приводит к разряжению энтропийного поля. В период первоначального освоения процесс «перекомпоновки» носил *естественный* характер, но в дальнейшем (XVIII – XX вв.) маргинальность поддерживалась во многом *искусственно*, при помощи государственных мобилизаций, перемещений и принуждения.

Адаптация и социализация способствуют выходу индивида из маргинального состояния. Л.В. Корель выделяет три стадии адаптиогенеза в бифуркационной среде (какой, по нашему мнению, можно считать фронт): социального шока, мобилизации защитных сил, ответа на вызов среды [20, с. 302]. Если первая стадия связана с кризисом прежних социальных отношений в результате изменения внешней среды, то вторая представляется более конструктивной, направленной на поиск адаптационных практик, которые реализуются в третьей стадии «вызова-ответа». Бифуркационный выбор заранее непредсказуем, но исторический опыт освоения Сибири показывает, что в рассматриваемой ситуации фронта избранная модель адаптивного поведения во многом определялась предшествующим адаптационным поведением и усвоением новых культурных практик. Сложившаяся ранее модель адаптации русских переселенцев предусматривала установление диалога с аборигенным населением. Исследователи отмечают комплиментарность русских переселенцев при колонизации Поволжья и Урала. «Русские подолгу живут в жилищах у аборигенов, пьют, едят с ними из одних сосудов, женятся на «иноверках», «детей приживают», ходят друг к другу в гости» [21, с. 82]. В условиях сибирского фронта эта практика была востребована.

Диалог был не единственной формой отношения русских первопроходцев и сибирских племен. Известны многочисленные примеры конфликтных взаимоотношений, проявлявшихся в форме военных столкновений переселенцев и местных жителей, заканчивавшихся разграблением острогов, сведением в «полон» русских людей. Однако конфликт, в силу полифункциональности, нес не только разрушительные последствия, но и определенный положительный эффект. Нам представляется вполне применимой к конфликтной ситуации сибирского фронта теория Г. Зиммеля - Л. Козера об объединительных функциях

конфликта: 1) само возникновение конфликта обычно означает, что имеется общий объект спора. Если бы не было общей заинтересованности в некотором объекте, то вряд ли возник бы и сам конфликт, поскольку не из-за чего было бы ссориться; 2) военные действия могут привести к появлению иных форм взаимодействия; 3) конфликт является механизмом, посредством которого происходит приспособление к новым условиям [22, с. 148]. Главной причиной столкновения местного населения и русских людей выступала территория пушного промысла. По мере освоения Российское государство, заинтересованное в увеличении доходов от «мягкой рухляди», стремилось не только объяснить сибирские племена, но и снизить их недовольство. Воеводам предписывалось «ясашным людям» «насилъства» и убытков не чинить, лишнего не брать, предоставлять льготы [3, с. 197].

Неравновесность, размытость социальной структуры переселенческого общества были одной из причин отсутствия жестокости и агрессивности людей фронта. Согласно социологическим исследованиям, уровень агрессии растет по мере увеличения организованности группы, когда она осознает и защищает свои интересы [22, с. 92]. В Сибири оказавшиеся в новых для себя условиях переселенцы стремились быстрее адаптироваться, используя разные, но преимущественно мирные формы взаимодействия.

Рассмотрение сибирского фронта как социокультурного явления позволяет определить его как бифуркационную зону взаимодействия двух диссипативных культурных систем – русского и сибирского мира. Несмотря на существенные различия, оба мира проявляли диссипативность, свойственную открытым системам, что расширяло возможности их взаимодействия. Изучение социокультурных отношений русского и аборигенного населения показало, что конфликт и диалог стали основными формами их коммуникации. На пограничных территориях эти формы были взаимосвязаны, но ведущей стал диалог. Выбор в пользу мирного взаимодействия определялся необходимостью быстрой адаптации переселенцев, переживавших в определенной степени маргинальное состояние в непривычных природно-климатических и социальных условиях; ментальностью русского населения, «вбравшего в себя пространство»; прежними адаптационными практиками, выработавшими комплиментарное отношение к «иногородцам». Фронтинг институционализировал диалоговые формы, заставляя не только первопроходцев, но и государство проявлять терпимость к местному населению и выстраивать с ним особые отношения.

Литература

1. Тернер Ф.Д. Значение фронта в американской истории. – URL: <http://coollib.net/b/99821>.
2. Сибирь в составе Российской империи. – М., 2007. – 368 с.
3. Хромых А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя четверть XVI – первая четверть XVII века). – Красноярск, 2012. – 312 с.
4. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.htm1> (дата обращения: 02.10.2013).
5. Судакова О.Н. Концепт «сибирская культура» в теории фронта. – URL: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/48.htm1.
6. Макаров Н.П., Баташев М.С. История и культура народов Приенисейского края. – Красноярск: Изд-во СФУ, 2007. – 246 с.
7. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 560 с.
8. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. – М.: Наука, 1986. – 429 с.
9. Народы Западной и Средней Сибири: культура и этнические процессы. – Новосибирск: Наука, 2002. – 325 с.
10. Межэтнические связи Приенисейского региона 1609–1916 гг.: сб. докл. Ч.1. – Красноярск, 2007. – 215 с.
11. История Красноярска. Документы и материалы XVII – первая половина XIX вв. – 2-е изд. – Красноярск: Офсет, 2000. – 847 с.
12. Гуревич А.Я. Проблема ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989. – С.75–89.
13. Лурье С.В. Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 61–74.
14. Агеев А.Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронт: сб. ст. – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 29–35.

15. *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность.* – 1998. – № 5. – С. 75–88.
16. *Культура и культурология: словарь.* – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 928 с.
17. *Шелегина О.Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX века. – Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2005. – 192 с.
18. *Бьконя Г.Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX (демографо-сословный аспект). – Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. – 415 с.
19. *Стариков Е.Н.* Общество-казарма: от фараонов до наших дней. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 420 с.
20. *Корель Л.В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии, методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
21. *Никитин Н.И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). – М.: Изд-во Ин-та рос. ист., 2010. – 223 с.
22. *Козер Л.* *Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой.* – М.: Идея-Пресс, 2000. – 205 с.

